

№ 34 ВАЛДАЙСКИЕ ЗАПИСКИ

Ноябрь, 2015

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВНЕШНИХ СТРАТЕГИЙ КИТАЯ В НОВОМ ВЕКЕ

Фэн Шаолей

Об авторе:

Фэн Шаолей

Декан Школы международных и региональных исследований, директор Центра исследований России Восточно-Китайского педагогического университета, Китай

За последние 50 лет внешнеполитические стратегии Китая претерпели существенные изменения. С начала 1960-х годов и до окончания «культурной революции» они были направлены на борьбу с ревизионизмом и гегемонизмом, распространение левого экстремизма и идей мировой революции.

В 1976 году, после окончания «культурной революции», Китай начал проводить политику реформ и открытости. КНР уходил с прежних позиций, основанных на экстремистских идеях, выбирая путь взвешенных внешнеполитических стратегий. Руководство страны приняло решение открыться миру, изучить опыт управления развитых стран, в том числе, западных, стать частью мировой экономики и реформировать архаичные, излишне централизованные политические и экономические институты. Основанный на этой модели и длившийся почти 30 лет период реформ позволил Китаю достичь высоких темпов развития.

С наступлением нового века, в условиях существенного рывка китайской экономики и меняющейся международной ситуации Пекин взял курс на активизацию деятельности на международной арене при одновременном соблюдении своих национальных интересов. Это дало Китаю новые возможности для развития своих внешних стратегий. В немалой степени этот курс подкреплялся развитием отношений между Югом и Севером, Востоком и Западом, справедливым, взаимовыгодным и гармоничным. Успех китайских реформ был основан также на координации внутренней и внешней политики, направленной на изучение опыта других стран и соблюдение собственных национальных интересов.

С начала нового века изменения во внешних стратегиях Китая проявлялись как во внешнеполитической ситуации, так и во внутреннем развитии страны.

Меняющийся мир начала нового века

Во-первых, можно выделить два этапа, на которые финансовый кризис 2008 года, грянувший по прошествии двадцати лет эволюции международной политики, начавшейся в 1989–1991 годы, поделил мировую историю.

В 1989–1991 годы до начала кризиса в 2008 году продолжалась так называемая первая фаза международных отношений, начавшаяся после холодной войны. Страны, бывшие на тот момент развивающимися, и экс-социалистические государства копировали американский и европейский опыт, осуществляя крупномасштабную политическую, экономическую и социальную трансформацию. Китай и Россия – самый яркий пример в этом отношении. Но с наступлением нового века в этих странах и регионах появилась новая тенденция с более четким акцентом на независимость в своих вну-

тренних переходных процессах и ориентацию на сочетание внешнего опыта и собственных интересов.

Что касается внешних изменений, то на фоне неспособности мировой экономики во главе с Европой и Америкой контролировать разрастание мирового финансового кризиса, появление «большой двадцатки» (G20) и развитие сотрудничества между странами БРИКС явно указывало на быстро растущее влияние развивающихся стран на мировую политику.

В то же время сильные потрясения, вызванные серией революций в Евразии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке, не говоря уже о кризисе беженцев, происходящем в настоящее время в Европе, позволяет предположить, что западные страны не способны выдержать «послереволюционную» ситуацию, невзирая на проявленное ими стремление продвигать «революции».

В результате, с наступлением кризиса 2008 года, на фоне ряда изменений, включая революции на Ближнем Востоке, в Северной Африке, кризис на Украине и т.п., сформировавшийся после холодной войны международный ландшафт, в котором Запад триумфально лидировал и удерживал монопольное положение, начал разрушаться. Хотя в конфигурации, где Запад доминирует, а США остаются их лидером, еще не произошло фундаментальных изменений, мы можем наблюдать появление более диверсифицированного мира.

Во-вторых, процесс глобализации столкнулся со сложной ситуацией бойкота и конфронтации, невзирая на достигнутый беспрецедентный прогресс.

С начала нового века, после стольких лет продвижения экономического развития, деятельность глобальных институтов, таких как ВТО, в целом остается достаточно вялой (за исключением прогресса в отдельных областях). Прямо противоположно ситуации последних 30 лет рост мировой торговли отстает от роста ВВП, что само по себе является крайне редким явлением.

С одной стороны, информационная революция, сопровождающая глобализацию, достигла огромного прогресса. С другой стороны, возник серьезный конфликт между традиционными моделями управления и влиянием информационных потоков, выходящих не только за национальные границы, но и за границы законных прав и неприкосновенности частной жизни.

Колебание цен на товары массового потребления, ресурсы и энергоносители свидетельствует о том, что отношения между странами, экспортирующими и импортирующими товары и ресурсы, становятся все ближе и теснее. Мировая экономика обрастает неразрывными взаимосвязями, а в ее развитии наблюдаются глубокие структурные противоречия.

На фоне вызванного глобализацией экономического роста увеличение разрыва между богатыми и бедными вызывает все большее недовольство и, соответственно, становится причиной социальных потрясений.

Одним из самых значимых изменений периода посткризисного восстановления является то, что, хотя ожидание будущего долгосрочного роста по-прежнему поддерживается, текущее вялое восстановление развивающихся стран происходит не столь успешно по сравнению с медленным, но стабильным выходом из кризиса промышленно развитых стран.

Смешно и грустно, что невзирая на огромные возможности развития, весь мир по-прежнему должен с волнением ждать момента завершения Федеральным резервом США политики количественного смягчения. Это происходит потому, что не только промышленно развитые, но и развивающиеся страны, находящиеся в процессе перехода к открытости, обеспокоены огромным влиянием, которое может оказать изменение данной политики на их экономики.

В-третьих, процесс глобализации идет не гладко, а конкуренция и сотрудничество на глобальном уровне передаются на уровень региональный, что создает ситуацию, вновь становящуюся центральным элементом в международной игре.

В сфере безопасности США, единственная мировая сверхдержава, сохраняет лидерство. Администрация Обамы скорректировала свои стратегии и вывела войска из Афганистана и Ирака. Вопрос о том, поспособствуют ли это тому, что давние конфликты в указанных регионах будут разрешены и выведены из опасной ситуации, остается чрезвычайно актуальным. Постоянные потрясения, происходящие в этих регионах, и рождение чудовища, именуемого себя Исламским государством, убедительно демонстрируют сложные и запутанные противоречия, которые трудно преодолеть. Ясно, что в настоящее время люди гадают, станет ли Афганистан вторым новым полем боя для России с заменой американских военных сил после ее ударов по Сирии¹.

Сотрясения, имевшие место практически одновременно в регионах, окружающих иные центральные державы, такие как Евросоюз, Россия и Китай, демонстрируют, что возможности действующей международной системы контролировать изменения системы власти, не соответствуют ее амбициям.

В экономической сфере очевидным изменением является ускорение формирования организаций регионального сотрудничества с развитыми странами Запада в качестве лидеров, сотрудничества между развитыми рынками как основы регионального деления. Невзирая на противоречия в процессе ведения переговоров по заключению ТРП (Trans-Pacific Partnership – Транстихоокеанское партнерство) или ТТИП (Transatlantic Trade and Investment Partnership – Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство), рамочное соглашение о ТРП наконец достигнуто в начале октября 2015 года. Эти переговоры облегчаются такими мерами, как недавнее учреждение ускоренного законодательного утверждения в США.

Несомненно, появление ТРП сыграет существенную роль для многосторонних и двухсторонних структур экономического сотрудничества в различных регионах

¹ Gilles Paris et Benjamin Barthe, *Washington Acte le Fiasco de la "Division 30" en Syrie, le Monde, 10 Oct, 2015.*

и одновременно создаст для них определенные сложности. Очевидно, что в относительно долгосрочной перспективе отправными точками будут становиться те или иные регионы, и возникнет жесткая конкуренция различных форм сотрудничества, как между ними, так и внутри них.

В соответствии с описанной выше тенденцией возврата в свои регионы, наблюдающейся в экономическом секторе и секторе безопасности, можно еще раз напомнить об амбициях древних центров цивилизации. Хотя пророчество Хантингтона о «столкновении цивилизаций» не получило широкой поддержки, оно отчасти представляет собой отражение текущей ситуации в регионах.

Хотя описанные выше тенденции относятся к факторам внешней среды, по отношению к эволюции внешних стратегий Китая они оказывают существенное влияние на его дипломатию и внутренние изменения в текущей ситуации.

Внутреннее политическое и экономическое развитие и институциональные изменения как предпосылки для формирования внешних стратегий Китая

Во-первых, экономическое развитие Китая тесно связано с его дипломатическими стратегиями.

После почти тридцати лет быстрого развития темпы роста китайской экономики снижаются на фоне нисходящих циклов международной и внутренней экономик и происходящей глубокой трансформации национальной экономической структуры страны. Несмотря на то, что китайская экономика сталкивается со значительными сложностями, ее развитие по-прежнему остается достаточно стабильным. В первой половине 2015 года темпы роста ВВП Китая составили 7%. В абсолютных показателях это означает, что лишь за год он вырос на 700-800 миллиардов долларов США, а это масштаб экономики целого государства среднего размера. Согласно прогнозам, сделанным в последнем деловом отчете журнала *The Economist* («Экономист») в Великобритании, Китай сохранит темпы роста в 6-7% до 2025 года. На китайские частные предприятия приходится около двух третей всего экономического производства, реализующего 90% экспортных задач, а их огромная жизнеспособность определяет будущее китайской экономики². При таких тем-

² "Still made in China. Chinese manufacturing remains second to none". *The Economist*, Sep 12th 2015 <http://www.economist.com/news/special-report/21663332-chinese-manufacturing-remains-second-none-still-made-China>.

пах роста поставленная цель «всестороннего построения общества, процветающего во всех отношениях» скорее всего действительно будет достигнута к 2020 году. После достижения данной цели ВВП на душу населения будет вдвое превышать показатель 2010 года и в четыре раза – достигнутого в 2000 году. К тому времени совокупный размер китайской экономики достигнет почти 17 триллионов долларов США, а уровень жизни значительно повысится. Это является одной из наиболее важных предпосылок для формирования внешних стратегий Китая.

Во-вторых, институциональная реформа является еще одной предпосылкой, оказывающей влияние на китайскую дипломатию.

Аналогично процессу трансформации евразийских национальных систем после окончания холодной войны, Китай также прошел две фазы. В первую фазу Пекин вошел в конце 1970-х годов после окончания «культурной революции», а бывшие республики Советского Союза прошли ее в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Это был ориентированный на либерализм процесс трансформации на основе *Вашингтонского консенсуса*, который включал приватизацию, маркетизацию, политическую демократизацию и т.п., словом, знаком большинству из нас. Вторая фаза началась ориентировочно с наступлением нового века. Данная фаза регулирует и корректирует консенсусы, достигнутые либеральным путем на предыдущей стадии, в соответствии с изменениями мировой экономической ситуации и укреплением национальной силы. Подобные тенденции проявились в таких евроазиатских странах, как Китай, Россия и Казахстан. Национальная мощь усилилась с экономическим развитием, влияние государственных институтов возросло, а национальная субъектность как во внешних, так и во внутренних делах приобрела высокую значимость. Это историческая фаза, контекст которой претерпел значительные изменения по сравнению с предыдущей.

Крупнейшие страны региона, вероятно, перейдут на новый этап развития после прохождения этих двух фаз и претерпят ряд глобальных и региональных изменений. На новом этапе национальный фактор макродоминирования и регулирования должен будет укрепляться как во внутреннем, так и во внешнем плане.

Без закрепленных национальных функций ни трансформация, ни модернизация продолжаться не могут. Однако еще одним важным аспектом является то, что необходимость реформ вновь становится очевидной. Рыночные функции экономики должны быть задействованы еще активнее (в особенности, функции малых и средних предприятий), факторы роста в различных областях – мобилизованы, уровень политической цивилизации и демократического принятия решений – повышен, а формирование правовой системы – усилено.

По-видимому, это означает, что наступает новая фаза, отличающаяся от предыдущего этапа внутренней трансформации. Президент Казахстана после досрочных выборов серьезно готовится к проведению масштабных реформ и активно их продвигает. Российские элиты обсуждают «кризис политэкономии», порожденный украинским кризисом, который должен проверить на прочность задуманный ими путь реформ. Китайское национальное строительство под руководством Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна укрепляется

с достижением национального консенсуса. Подчеркивается, что необходимо обеспечить ключевые национальные интересы и задействовать основные функции рынка, а также отходить от излишнего государственного вмешательства с введением в практику оптимизацию администрирования и делегирование полномочий на более низкие уровни. Все эти меры указывают на то, что такая реформа приведет к появлению «новой нормы».

Однако, расширение национального регулирования с одновременным задействованием рыночных сил и общества является весьма сложной задачей. Помимо координации и уравнивания стратегий внутреннего развития еще одним важным шагом является развитие взаимного сотрудничества между развивающимися и переходными странами. Необходимо избегать переизбытка проблем в ходе трансформации системы. Поэтому ради внутренних реформ нужно поддерживать благоприятную международную ситуацию. В рамках такого «противодействия за счет открытости» они должны открыться не только западным, но и развивающимся и переходным странам, что еще больше способствует продвижению их внутренних системных реформ.

Кстати, в китайской политической жизни возникают новые явления. Во-первых, с начала нового века Китай стойко перенес три последовательных смены политических лидеров – от Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао до Си Цзиньпина – чего не случалось еще ни разу за несколько тысяч лет политической истории страны. Во-вторых, в Китае в течение нескольких лет проводилась антикоррупционная кампания, получившая поддержку большинства населения, и, хочется надеяться, она окажет существенное влияние на укрепление китайской правовой системы и ее официального руководства. В-третьих, стоит упомянуть, что все описанные выше изменения сопровождаются открытием политического дискурса, характерного для эпохи Интернета, и проведением беспрецедентной открытой дискуссии о китайской политической жизни местной элиты и представителей интернет-общественности. Это совершенно новая политическая ситуация на фоне выхода на передний план молодых людей, родившихся в 1980-х и 1990-х годах. Очевидно, что процесс внутренних изменений приведет к повышению качества, обновлению и открытости китайских внешних стратегий в самых различных аспектах.

Следует отметить, что ни Китай, ни мир в целом не претерпевали в международной и внутренней системах таких кардинальных изменений, которые перевернули бы все с ног на голову. Соответственно, никто не может заявить, что совершил все необходимые приготовления к будущим изменениям.

Рынки китайских товаров в основном зависят от экспорта, а большая часть валютных запасов Китая хранится в США в форме государственных облигаций. Энергия и ресурсы, в которых Китай нуждается все сильнее, во многом зависят от импорта из-за рубежа. Такая ситуация заставляет Пекин принимать более открытые внешние стратегии и уделять больше внимания международной гармонии.

Китай – это древняя страна с более чем 5000-летней цивилизацией, уникальной историей и богатым опытом. Тем не менее, Китай отстает от Запада в плане знаний и участия в общей мировой истории, даже по сравнению с любой другой развивающейся страной. Но это означает и то, что Китай является одновременно быстрорастущим членом

международного сообщества и крупнейшей развивающейся страной, требующей совершенствования во многих отношениях. Такой неисклЮчительный, но на самом деле достаточно уникальный путь национального развития будет ограничивать различные аспекты внешних стратегий Китая на протяжении еще довольно долгого времени.

Тенденции и перспективы внешних стратегий Китая

В данной статье мы рассматриваем тенденции и перспективы развития внешних стратегий Китая на глобальном, региональном и местном уровнях.

1) Китай является участником, строителем и реформатором существующей международной системы.

В интервью журналу *Wall Street Journal* перед своим официальным визитом в США Си Цзиньпин отметил: «Система глобального управления была построена и используется всем миром совместно и не может контролироваться какой-либо отдельной страной. Китай никогда не думал и не будет думать об этом. Китай является участником, строителем и реформатором существующей международной системы». Однако Си Цзиньпин также подчеркнул, что с учетом развития и изменений, происходящих в мире, а также все большего количества возникающих проблем, «необходимо обязательно корректировать и реформировать систему глобального управления. Подобные реформы направлены не на уничтожение и перестройку существующей системы или установление новой, а на внедрение инноваций и усовершенствование»³. Являясь одним из постоянных членов Совета безопасности ООН, Китай несомненно должен прилагать усилия, согласованные с другими странами. По нашему мнению, Пекин является сторонником разработки новой модели отношений между великими державами, что означает, что он будет развивать дружеские связи с США и иными развитыми странами наряду со странами БРИКС, имеющими мировое влияние.

Китай получает от международного сотрудничества преимущества, необходимые для собственного развития. Соответственно, он обязан вносить вклад в международное развитие. Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) является конкретным шагом в достижении данной цели. По оценкам Всемирного банка и Азиатского банка развития, с 2010 по 2020 годы будет наблюдаться дефицит финансирования строительства объектов инфраструктуры в Азиатском регионе в размере 800 миллиардов

³ Си Цзиньпин дает интервью для «Уолл-стрит-джорнел», 22 сентября 2015 года, новостная сеть «Синьхуа», http://news.xinhuanet.com/world/2015-09/22/c_1116642032.htm.

долларов США⁴. Китай желает внести свой вклад в решение данной проблемы. К удивлению многих, включая самих китайцев, помимо азиатских стран, Германия, Франция, Великобритания и иные государства также присоединились к АБИИ, что означает, что данная инициатива соответствует потребностям международного сообщества. Однако АБИИ – это лишь один аспект решения проблемы, но не панацея. Он должен сотрудничать с существующими международными финансовыми учреждениями и приветствовать участие США.

Китайское правительство неоднократно заявляло, что, по прогнозам, в следующие 5 лет импорт товаров в страну составит 5 триллионов долларов США, зарубежные инвестиции превысят 500 миллиардов долларов, а число выездных туристов перешагнет отметку в 500 миллионов человек⁵.

Это значит, что в критический момент тринадцатой пятилетки по всестороннему созданию процветающего во всех отношениях общества, Китай намерен использовать возможности и решать проблемы совместно с внешним миром на основе более открытых отношений. В то же время, это обеспечит материальную основу для усовершенствования глобального управления и международного порядка в последующие годы, включая реализацию новых целей развития Организации объединенных наций.

Реформы международного управления подразумевают некоторые корректировки в деятельности существующих международных институтов. Наиболее явным изменением после международного финансового кризиса является смена важной системы координат глобальной макроэкономики с бывшей G8 на G20. Китай уделяет особое внимание кооперации с промышленно развитыми и развивающимися странами, а также в рамках G20, в целях обеспечения стабильной трансформации международной экономики. Китай является членом БРИКС и очень надеется поспособствовать трансформации системы глобального управления посредством данной кооперационной платформы для развивающихся стран. Новый банк развития БРИКС был открыт в Шанхае, его первым президентом стал индийский финансовый эксперт, а вице-президентами – страны-участницы. Китай рассматривает Новый банк развития в качестве дополнения существующим международным финансовым учреждениям и будет стремиться создать более справедливую, прозрачную и эффективную систему и внести свой вклад в развивающийся мир вместе со своими партнерами.

Реализовав выгоды от своего участия в ВТО, Китай стал одним из крупнейших торговых экспортеров в мире. И он будет уверенно поддерживать реформирование и развитие этой многосторонней торговой модели. За счет поддержки международной финансовой системы в прошлом, Китай стал крупнейшим инвестором и одной из стран с крупнейшими золотовалютными резервами. Пекин выступает в поддержку

⁴ Си Цзиньпин дает интервью для «Уолл-стрит-джорнел», 22 сентября 2015 года, новостная сеть «Синьхуа», http://news.xinhuanet.com/world/2015-09/22/c_1116642032.htm.

⁵ Речь Си Цзиньпина на китайско-американском форуме губернаторов, 23 сентября 2015 года, новостная сеть «Синьхуа», http://news.xinhuanet.com/finance/2015-09/23/c_1116653149.htm.

продвижения международной финансовой и валютной системы и общего мирового развития путем стабильной реализации реформ, в том числе механизмов использования прав голоса Всемирного банка и МВФ и переоценку корзины «специальных прав заимствования».

После того, как в сентябре 2015 года китайский юань стал четвертой резервной валютой в мире (после доллара США, евро и фунта стерлингов) и оставил позади японскую йену, 8 октября 2015 года была запущена первая система международных платежей (CIPS (Chinese International Payment System – Китайская международная платежная система), учрежденная Народным банком КНР.

Система CIPS заработала в Шанхае наряду с экспериментальной пилотной зоной свободной торговли. По существу, в этом проекте «глобального финансового шоссе» уже участвовало напрямую 19 известных китайских и иностранных банков, а косвенно – еще 176 крупных банков с пяти континентов. Это важная составляющая дальнейшей интернационализации китайского юаня.

Китайцам прекрасно известно о необходимости данного шага для обеспечения движения международной системы в сторону большей свободы и открытости, как в отношении глобального финансового механизма, так и в отношении реформы многосторонней торговой системы. В то же время это будет весомым шагом в сторону долгосрочных исторических изменений.

II) Позиция и политика Китая в отношении регионального сотрудничества

Значимым изменением во внешних стратегиях Китая с начала нового века стало отсутствие усилий по изучению механизма многостороннего регионального сотрудничества и участию в нем. С 1980-х – 1990-х годов в Китае было проведено множество исследований в сфере регионального сотрудничества. В то время отправными точками китайской внешней стратегии было по большей части стремление присоединиться к процессу региональной интеграции и продвижение развития и реформирования Китая с экспортно-ориентированной экономикой в качестве опоры. Стратегия Китая по участию в региональном сотрудничестве была результатом изучения опыта других регионов, в том числе, европейских стран, в комбинации с местной практикой.

В действительности, Пекин организует и реализует региональное сотрудничество посредством Шанхайской организации сотрудничества, основанной в 2001 году совместно с Россией и странами Средней Азии. ШОС стала первой организацией регионального сотрудничества, в которой Китай выступил в качестве основателя.

Однако с самого начала ШОС, при участии Китая, четко заявляла о том, что она создана с целью поддержания общего развития и безопасности для получения взаимных выгод и реализации общих интересов и не является идеологической организацией или

альянсом. А ее принципы регионального сотрудничества не основаны на противостоянии какому-либо третьему субъекту.

В течение многих лет Китай участвовал в существующих *де-факто* межрегиональных организациях многостороннего сотрудничества, например, АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество). В начале 1990-х годов АТЭС, являясь важной международной платформой для выведения стран за тарифные барьеры и продвижения региональной торговли, содействовала реформированию и открытию Китая.

Пекин активно сотрудничал с АСЕАН, региональной организацией с высочайшим уровнем сотрудничества в Азии, в форме «1 плюс 10» и позднее – «3 плюс 10». В течение десятилетий АТЭС была для Китая важным каналом участия в поддержании общего развития и стабильности в Азии. С начала нового века трехстороннее сотрудничество Китая, Японии и Южной Кореи, когда-то активно продвигаемое кабинетом премьер-министра Японии Юкио Хатоямы, включая попытки сделать японскую иену «азиатским долларом», прекратило свое существование не без участия США. Вслед за финансовым кризисом предложенное АСЕАН «Региональное комплексное экономическое партнерство» (Regional Comprehensive Economic Partnership – RCEP) получило полную поддержку КНР и включает в себя 16 стран, а именно 10 стран АСЕАН плюс Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Сингапур.

При своем стремлении к практическому участию в региональном сотрудничестве, Китай, однако, выступает против напряжения, создаваемого некоторыми организациями. В частности, Пекин выражает обеспокоенность в отношении действий и ориентиров таких институтов, как НАТО, возникших во время холодной войны с целью защиты стратегических интересов безопасности Запада.

Китайское правительство когда-то положительно оценивало и активно поддерживало интеграцию в рамках Европейского Союза, являющуюся историческим результатом европейского политического и экономического процесса после окончания холодной войны. Китай создал свое стратегическое партнерство с ЕС. В то же время, Пекин обращал внимание на участие ЕС в волнениях на Ближнем Востоке и в Северной Африке после финансового кризиса, а также на дебаты о продвижении ЕС своей программы Восточного партнерства, на сложную ситуацию с беженцами, а также колебания общественного мнения в рамках переговоров о ТТIP.

В октябре 2015 года переговоры о ТТIP под руководством США завершились наконец достижением соглашения, вызвавшего горячие дебаты в международных СМИ, а также среди китайских специалистов и широкой публики. Некоторые считают, что Китаю стоит вступить в ТТIP, другие видят в нем пример, иллюстрирующий американскую политику сдерживания в отношении Китая. Спикер китайского Министерства торговли выразил твердое и непредвзятое отношение Китая, отметив следующее: «ТТIP в настоящее время является одним из важнейших соглашений о свободе торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Китай открыт для построения системы, соответствующей правилам ВТО и способствующей экономической интеграции в Азиат-

ско-Тихоокеанском регионе. Китай надеется, что ТТР и иные соглашения о свободе торговли будут продвигать друг друга, внося вклад в экономическое развитие Азиатско-Тихоокеанского региона⁶.

Между тем, во всех прогнозах по-прежнему отсутствует достаточная фактологическая основа, либо в отношении лидерства Китая в переговорах по РСЕР в сторону более широкого торгового соглашения, которое в итоге будет включать ТТР, либо в отношении окончательного принятия или отклонения ТТР. Китай не идет на соглашения, разрушающие структуру регионального сотрудничества, но вместо этого придающие важное значение высоким стандартам рыночных принципов ТТР. Пекин, с одной стороны, будет продвигать прагматичное сотрудничество, ориентированное на рыночную экономику в соответствии с установленными рамками и способами действий, и, с другой стороны, решит задачи реформирования и открытия в большей степени через «обратную местную реформу».

III) Политика Китая в отношении соседних стран в новом веке

Термин «соседи» в Китае не имеет ничего общего с политикой великой державы в отношении малых независимых периферийных стран. В политике КНР это страны и регионы, соседствующие с Поднебесной. История Китая, исчисляемая тысячелетиями, не только предоставила богатый опыт отношений с соседними странами, но и оставила некоторые проблемы. Соседние территории обеспечивают Китай широким потенциалом для развития. В то же время для Пекина критически важно наладить конструктивные отношения со своими соседями путем совместной работы. Китай играет особую роль в шестисторонних переговорах о Корейском полуострове. Он придерживается позиции безъядерного статуса Корейского полуострова, и, в то же время, заявляет о необходимости поддержания стабильности мирным путем.

Вопросы, связанные с Корейским полуостровом, всегда были очень деликатными и болезненными. Однако во время официального визита китайской делегации в КНДР по случаю празднования 70-летия Трудовой партии Кореи, Ким Чен Ын и Лю Юньшань, член политбюро ЦК КПК, вместе появились на трибуне, видимо, демонстрируя, что ситуация движется к завершению шестисторонних переговоров.

Что касается проблемы Южно-Китайского моря, то КНР обладает достаточной исторической и правовой основой, чтобы доказать, что острова Наньша относились к китайской территории с древних времен. Китай намерен защищать свои ключевые интересы и урегулировать разногласия посредством переговоров со всеми заинтересованными сторонами. Китай возводил маяки на насыпных островах в целях защиты свободы навигации и обеспечения безопасности в Южно-Китайском море. Но недавно американский флот объявил о вхождении в соседнюю акваторию, что в 12 морских милях от насыпного

⁶ Министр Гао Хучэн дал интервью центральным СМИ по вопросам «Соглашения о Трансатлантической зоне свободной торговли, Пресс- центр министерства торговли, 8 октября 2015 года, <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/aj/201510/20151001128335.shtml>.

острова. А это значит, что существует еще немало проблем, требующих неотложного решения, невзирая на многостороннее сотрудничество между Китаем и США.

Китай и Япония являются близкими соседями, которых разделят лишь узкая полоса воды. Они поддерживали дружественные отношения в течение двух тысяч лет, и лишь короткий исторический период был отмечен агрессией и войной. Но хотя между Китаем и Японией всегда существовали трения и разногласия, они «не обязательно будут решаться средствами войны». Введение премьер-министром Японии Синдзо Абэ «закона о безопасности» вызвало оппозиционные настроения внутри страны и критику за ее пределами, в том числе в Китае. Китайско-японские отношения по-прежнему требуют продвижения, и основа для двустороннего сотрудничества есть.

Россия и страны Средней Азии являются ближайшими стратегическими партнерами Китая. Москву и Пекин связывает общность интересов, тесное сотрудничество, скрепленное в ходе регулярных политических визитов на высшем уровне, взаимопонимание по всем, в том числе и сложным вопросам. Китайско-российские отношения стали важной главой в истории взаимодействия великих держав. Для тесных двусторонних связей существует твердая основа, общие взгляды на проблемы глобальной и региональной политики, на развитие международного сообщества, на вызовы, с которыми сталкивается международный механизм. Особенности в подходах к решению тех или иных проблем совсем не мешают развитию и укреплению китайско-российских отношений. Манифест обеих стран в отношении согласования инициативы «Один пояс, один путь»⁷ и Евразийского экономического союза является последним символом сегодняшнего уровня китайско-российского сотрудничества.

Что касается формирования механизма обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, то когда-то предполагалось, что тут пригодится ОБСЕ. Действительно, у этого института, действующего с момента окончания холодной войны, есть чему поучиться. Однако в силу различных исторических условий АТР характеризуется достаточно разрозненной организацией. Механизм субрегионального сотрудничества АТР также не построен по упрощенному варианту, в котором «безопасность зависит от США, а экономика – от Китая». Многие игроки, будь то Япония как отдельная страна или АСЕАН как субрегиональная организация, действуют на Азиатско-Тихоокеанской арене, предоставляя различные возможности «погони за рентой». Открытость АТР внешнему миру, включая наблюдаемые в последние годы возвращение США в Азию и Тихий океан и «азиатский курс» России, сулит будущему сотрудничеству в сфере безопасности самые разнообразные сценарии.

Открытость Азиатско-Тихоокеанского региона, беспрецедентный уровень экономического развития и вклад региона в мировое развитие объективно привлекает повышенное внимание со всех сторон. Там никогда не наблюдалось крупных геополитических потрясений или кардинальной смены режимов, как, например, в Европе после холодной

⁷ Объединение проектов создания «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» – прим. ред.

войны. Такая особенность несомненно окажет сильное влияние на формирование будущего механизма регионального сотрудничества.

Стратегическая инициатива «Один пояс, один путь», предложенная китайским президентом Си Цзиньпином в Астане в сентябре 2013 года, является самым важным событием для внешней стратегии Китая в новом веке. И в стране, и за рубежом эта инициатива привлекает огромное внимание. Особо внимание привлекает то, каким образом эта инициатива «свяжет» Евразийский экономический союз с другими организациями регионального сотрудничества. Это является ключом к реализации концепции «Один пояс, один путь». Как говорили древние китайские мудрецы, «высшее мастерство подобно тому, как течет вода». Продвижение и реализация концепции «Один пояс, один путь» напоминает поток воды, стремящийся заполнить все свободное пространство. Она реализуется посредством конкретных проектов или решений в рамках переговоров о свободе торговли или путем подписания двухсторонних или многосторонних соглашений. Противоречия между различными структурами или стратегиями регионального сотрудничества существуют всегда, и инициатива «Один пояс, один путь», ориентированная в первую очередь на связывание различных региональных систем, может помочь решению таких проблем.

В долгосрочной же перспективе, она полностью зависит от двухсторонних и многосторонних амбиций и способности на практике «связать» Евразийский экономический союз с иными региональными политическими и экономическими структурами. Это самая уникальная, инновационная и долгосрочная задача внешних стратегий Китая в новом веке.

#Valdaiclub

 Valdai Club

 Valdai International
Discussion Club

www.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ